

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBUTATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ:
О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ*

Прежде чем приступить к анализу географического описания мира у Мелы, я хотел бы остановиться на некоторых теоретических вопросах, связанных с античными пространственными представлениями.

Мне уже приходилось писать о принципиальной некартографичности античного восприятия географического пространства в связи с особенностями ориентации в пространстве человека Античности¹.

Если проблему восприятия человеком пространства взять в самом общем аспекте, то следует, по-видимому, говорить о существовании двух систем пространственной ориентации, исторически следующих одна за другой, но в различные конкретные периоды истории находящихся в довольно сложных взаимоотношениях.

Исторически первой формой ориентирования человека в пространстве можно считать ту, при которой субъект наблюдения полагает себя в центре наблюдаемого им мира, а все окружающие объекты воспринимает через призму их отношения к этой центральной точке (эгоцентрическое восприятие пространства).

Только таким, конкретно-чувственным восприятием пространства (от себя) может объясняться существование часто встречающихся в географической номенклатуре Античности и Средневековья терминов: Галлия Предальпийская и Заальпийская (*Cisalpina et Transalpina*), Испания, Азия, Индия – Ближние и Дальние (*Citerior et Ulterior*), страны по сию сторону Тавра (*citra Tauri juga*), Азия по сию сторону реки Галис, топонимические эпитеты: *trans- et cis-padanus*, *trans- et cis-montanus*, *trans- et cis-rhenanus*, *cistiberis et transtiberinus*, *transdanubianus* и многие другие².

В этих же терминах описывает ойкумену в своей "Космографии" Равеннский аноним (VII в. н.э.), последовательно перечисляющий народы, начиная с живущих у побережья "внешнего Океана" и доводя каждый раз до Равенны по одному из направлений розы ветров (в данном случае по часовым поясам, делящим всю окружность горизонта на 24 равные дуги). Географические объек-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 07-01-00058а.

ты располагаются здесь нередко *ad frontem* или *post terga* относительно друг друга, если смотреть на них из Равенны³.

Речь в данном случае идет о такой позиции наблюдателя, при которой место его нахождения фиксировано в одной точке, чаще всего совпадающей с общенациональным, общеполитическим или общерелигиозным центром. Естественно, что такое же пространственное восприятие сохраняется и в случае перемещения воспринимающего субъекта в пространстве, с той лишь разницей, что все объекты созерцания оцениваются теперь из подвижного центра. По-прежнему исходным пунктом наблюдения (и, соответственно, описания) остается сам человек, относительно которого располагаются все элементы пространства⁴.

При этом закономерны такие понятия, характеризующие локализацию географических объектов, как “дальше, спереди, вперед”, “справа, слева, позади”, “за” и т.д., понятные только, если знать направление движения авторам. В качестве примера укажу на довольно распространенное в Античности деление побережья Черного моря на левую (*laevus, sinister*) и правую (*dexter*) стороны⁵.левой стороной называлось западное побережье, правой – юго-восточное: правой и левой эти части оказывались для путешественников, входящих в Черное море из Босфора Фракийского.

В связи с этим одним из самых излюбленных жанров географической литературы в Античности было описание пути. Описание морского побережья (с его заливами, портами, расстояниями и прочими характеристиками), вдоль которого плыл (все равно – реальный или воображаемый) корабль путешественника, называлось “периплом” (*περίπλους*). Последовательное описание сухопутного маршрута называлось терминами “периегега”, “период”, “хорография”; на основе подобных описаний составлялись римские “дорожники” (*itineraria*).

Принцип “описания пути” оказался чрезвычайно живучим и как форма восприятия географического пространства, и как литературный жанр. Характерно, с одной стороны, бытование этой формы землеописания вплоть до позднего Средневековья, с другой – глубокое внедрение хорографического принципа в большинство географических произведений самого различного характера.

Точно охарактеризовал периплический принцип описания Страбон, сообщавший об историке и географе Эфоре, что тот «пользуется морским берегом как пунктом отправления (*μέτρον* – букв, “мерилом”) и оттуда ведет начало, считая море руководящим элементом (*ἡγεμονικὸν τι*) при описании местностей (*πρὸς*

τὰς τοπογραφίας» (*Strabo* VIII, 1, 3), поскольку “определяет сушу и дает ей форму главным образом море” (II, 4, 17). “Поэтому и нам надлежит, – продолжает Страбон – следуя природе местностей, пользоваться морем как указателем (σύμβολον)” (VIII, 1, 3). И действительно, большая часть страбоновой “Географии” построена как описание пути – морского или сухопутного.

Итак, *первичная система ориентации* человека в пространстве характеризуется его непосредственным, чувственно-конкретным восприятием, при котором человек, полагая самого себя в центре наблюдаемого мира, устанавливает местоположение наблюдаемых и описываемых им географических объектов по ориентирам окружающей ландшафтно-географической природной среды. Думается, что эта система ориентации в пространстве характерна для большинства архаических культур Евразии. Условно я назвал такое видение мира *хорографическим*⁷. Вслед за мной разрабатывавший эту проблему итальянский историк Пьетро Янни называет эту систему *годологической*, т.е. основывающейся на представлении о пути (от греч. ὁδός – “путь”)⁸.

С развитием географических познаний, с прогрессом естественнонаучных дисциплин, обеспечивших теоретико-астрономическое обоснование строения и формы Земли, а также с развитием картографической теории и практики происходило становление и развитие *вторичной системы ориентации* в своем крайнем выражении прямо противоположной первичной, но в чистом виде встречающейся довольно редко.

Такую систему ориентации я назвал *картографической* (этот термин принимает и П. Янни⁹). Ее характерной чертой является несвязанность с конкретно-чувственной системой отсчета, большая степень абстрагирования при рассмотрении земной поверхности от местных географических ориентиров. Если первичное восприятие пространства можно представить как ментальную “карту пути”, то здесь уже имеет место “карта-обозрение” – “одновременное единое представление системы различных пространственно размещенных и соотнесенных компонентов, образующих координированное пространственное единство”¹⁰.

Любопытно, что развитие пространственных представлений в архаических обществах четко коррелирует с тем, как ребенок осваивает окружающий его пространственный мир. Исследователи детской психологии отмечают, что если сначала детское “перцептивное пространство неоднородно, обладает определенной централизацией”, то в процессе эволюции мышления ребенка “про-

исходит переход от общего эгоцентризма к интеллектуальной децентрации”¹¹.

По мнению психолога Ф.Н. Фримана, генетическое развитие ориентации в пространстве следует трем ступеням ориентации: 1) по отношению к самому себе как центру; 2) по отношению к другому объекту, чья локализация уже известна; 3) при помощи системы фиксированных направлений¹².

Выдающийся психолог XX столетия Ж. Пиаже, много сил отдавший исследованию представлений ребенка об окружающем его мире, отмечал, что ребенок сначала воспринимает так называемое “топологическое пространство”, которое он осваивает шаг за шагом в результате познавательных операций. Следующий этап, когда ребенок может связать воедино все возможные проекции объекта, называется у Пиаже “проективным, или перспективным”. При этом Пиаже отмечает, что “переход от эгоцентрического реализма к релятивной координации играет важную роль в формировании идеи проективного пространства” и, в конечном итоге, в овладении евклидовым пространством¹³. Нетрудно увидеть корреляцию между терминами Пиаже (“топологическое” и “проективное” пространство) и нашими (“хорографическая”, или “годологическая”, и “картографическая” системы), отражающую корреляцию между явлениями палеопсихологии и развития детской психики¹⁴.

Для возникновения вторичной ориентационной системы нужна была, конечно, очень высокая степень развития отвлеченного географического сознания, когда наблюдатель исключает из рассмотрения место своего пребывания как исходный пункт описания, как бы паря над землей и со стороны охватывая всю ее мысленным взором.

Сходную метаморфозу, определяемую воздействием вторичной системы ориентирования, претерпевала и картография: от примитивных круглых карт (таковы древнеавилонские, древнеионийские, возможно, римские, большинство западноевропейских средневековых, некоторые арабские и другие карты мира¹⁵), как диктовала круглая линия горизонта (опять обусловленность первичной ориентацией!), с местом, где находился сам автор или был общепризнанный центр, в середине карты, ориентированных, как правило, на юг или на восток, до карт с отсутствующей фиксацией центра, повторяющих своей формой очертания населенной земли, с распределением ее в соответствии с параллелями и меридианами, установленными с помощью математико-астрономических расчетов и наблюдений. Главной особенностью вторичной ориентации является ее “картографичность”, когда земля представляет-

ся в виде лежащей (или висящей) перед наблюдателем карты, на которой нет места для самого наблюдателя.

Классическим примером воплощения такой “картографической” ориентации в структуре географического текста может служить “Географическое руководство” Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.), крупнейшего греческого географа, суммировавшего все достижения предшествующей геокартографической науки. Его описание земли представляет не что иное, как считывание с карты ее легенды, перечисление почти лишено признаков первичной ориентации, ориентирами служат координаты данной местности по сетке параллелей и меридианов и страны света.

Итак, “некартографическое” сознание античных авторов проявлялось в том, что основным принципом восприятия и презентации пространства был путь, который представлял пространство линейно, имел начало и конец, объединял собой некоторые пункты, мог пересекаться с другими путями, обладал определенной протяженностью.

Преобладание годологического (или хорографического) пространственного сознания над картографическим проявляется даже в самих античных картах. Так, например, знаменитая Певтингерова карта, восходящая к первым векам нашей эры, имеет все атрибуты, свойственные современным картам¹⁶. Однако главное содержание карты – это римская дорожная система, заполняющая все пространство карты в той ее части, где эта система функционировала. При этом на Певтингеровой карте ландшафт и сеть дорог нередко существуют сами по себе, что приводит к выводу о декоративном характере многих линий побережий, течений рек и расположения гор¹⁷.

От Античности сохранилась еще одна карта, так называемая карта из Дура Европос середины III в. н.э. На ней приводится перечень городов, являвшихся стоянками римского флота на западном, северном и южном побережьях Черного моря. Так же как и на Певтингеровой карте, этот список совершенно не коррелирует с “картографическим” очертанием берега, зато полностью соответствует “годологическому” восприятию пространства, давая реальную последовательность станции в виде итинерария¹⁸.

Как уже говорилось, самый распространенный способ презентации географического пространства нашел свое отражение в таких жанрах античной географической литературы, как *перипл*, *парапл*, *анапл*, *ора мартима*, *итинерарий* (иногда также *перизгеза* и *перид*), которые обычно относятся к страноведческому жанру). Все они представляют мир через описание пути – сухопутного, речного или морского. Популярность у древних греков перипла

(напомню: *περίπλους* означает буквально “плавание вокруг [морского побережья]”) была, несомненно, связана с ранним развитием у них мореплавания, вначале исключительно каботажного. Античный перипл строился в форме путешествия вдоль берегов Средиземного и других морей и описывал последовательно географические объекты – заливы и мысы, города и порты, горы и впадающие в море реки, а также направление морского побережья¹⁹.

Известны, хотя и не все дошли до нас, периплы Скилака, Филея Афинского, Дамаста Сигейского, карфагенян Ганнона и Гимилькона, Скимна, Неарха, Андросфена Фасосского, Патрокла, Псевдо-Скилака, Каллисфена Олинфского, Агатархида Книдского, Офела Киренского, Псевдо-Скимна, Эвдокса Родосского, Нимфодора Сиракузского, Мениппа Пергамского, Гиппала, неизвестного автора “Перипла Эритрейского моря”, Дионисия Византийского, Мнасея Патарского, Артемидора Эфесского, Филемона, Арриана, Ксенофонта Лампсакского, Зенотемиса, Аполлонида, Тимагена, Андрона Теосского, Авиена, Маркиана, Псевдо-Арриана и др. Я специально утомляю читателя пространным, хотя и далеко не полным перечнем авторов, которые сочиняли периплы, чтобы показать, насколько популярен был этот жанр в Античности²⁰.

Простейший перипл (аналог современной лоции) представлял собой лишь обозначение станций на пути мореходов с указанием расстояний между ними. Но уже весьма рано (в эллинистический период) такой перипл развился в целый литературный жанр, в котором на сетку станций и расстояний стали накладываться другие географические данные, в том числе почерпнутые не только из аутопсии, но и из литературных источников. В некоторых случаях периплический принцип становился структурой географического описания, которое ставило целью показать всю ойкумену. Таковы, например, многие географические части “Географии” Страбона и “Естественной истории” Плиния Старшего.

Однако самым ярким примером такого литературного применения периплического принципа является “Хорография” Помпония Мелы²¹. “Хорография” (*De chorographia*) представляет собой первое сохранившееся на латинском языке географическое произведение, написанное в Риме в середине I в. н.э. Неизвестный из других источников автор оставил географическое описание всего мира; при этом очевидно, что сам он вовсе не совершал путешествий²², но широко пользовался литературными источниками.

В начале своего труда Мела дает самое общее краткое изложение географии ойкумены, описание трех материков, их границ

и народов, проживающих на них. Однако основное содержание “Хорографии” составляет подробный перипл всех побережий ойкумены. Начав свое повествование с Гибралтара, Мела последовательно представляет побережье Средиземного, Черного и Азовского морей (составлявших так называемое “Наше море”) против часовой стрелки (Африка, средиземноморское и черноморское побережья Азии вплоть до Азовского моря, затем побережье Европы, омываемое Нашим морем), пока не возвращается к Гибралтару. После этого идет описание “внешних” побережий ойкумены – сначала Европы начиная с Гибралтара, затем Северной, Восточной и Южной Азии, наконец, Южной Африки. Заканчивается перипл у того же Гибралтара.

Произведение Мелы рассчитано на широкую публику и носит научно-популярный характер. В самом начале автор заявляет:

Я приступаю к землеописанию²³ – это дело утомительное и совсем не располагающее к красноречию²⁴, ведь состоит оно почти исключительно из названий племен и местностей и их довольно запутанного порядка перечисления, проследить который представляется скорее скучным, нежели приятным занятием. Тем не менее дело это весьма достойное изучения и уразумения, и для тех, кто его прилежно изучает, оно, если уж не благодаря таланту рассказчика, то благодаря самому рассмотрению предмета, вполне оправдывает их усилия.

Итак, с одной стороны, Мела сознает, что предмет географии – скучная материя, поскольку состоит из длинных списков географических объектов, с другой – настаивает на важности изучения географии и скромно намекает, что постарается сделать этот предмет не таким утомительным, как это может быть или бывает. В результате мы имеем риторическую обработку географии мира в жанре научно-популярной литературы. Стремление сделать описание мира увлекательным, несмотря на сложность и скучность самого предмета, приводит Мелу к широкому использованию в повествовании рассказов о местных мифологических, исторических и этнографических особенностях, а также риторических и стилистических приемов²⁵.

Одним из таких приемов является то, что “периплическая” часть “Хорографии”, в отличие, скажем, от перипла Плиния, который регулярно пользуется теми же источниками, что и Мела, часто строится как описание путешествия, осуществляемого на корабле, движущемся вдоль побережья. Этим достигается эффект присутствия и соучастия читателя, живость повествования, иллюзия аутопсии автора.

Перед началом перипла Мела сам сообщает об этой особенности своего будущего повествования в таких выражениях:

Теперь же я собираюсь подробнее описать побережья и местности, и удобнее всего будет начать с той стороны, откуда Наше море входит в сушу, и лучше всего с тех земель, которые лежат справа от входящего моря²⁶. Затем [я намерен] последовательно описать берега в том порядке, в котором они лежат, и, объехав все берега (*peragratisque innibus [litoribus]*), которые прилегают к этому морю, проплыть (*legere*) вдоль берегов, которые омываются океаном, до тех пор, пока путешествие (*cursus*), предпринятое в этом труде, обогнув землю изнутри и извне, не приведет туда, откуда оно началось (I, 24).

Жанр виртуального путешествия (подчеркнем, что в распоряжении Мелы были лишь периплы, состоявшие, по его словам, “почти исключительно из названий племен и местностей и их довольно запутанного порядка перечисления”) проявляется в словах и выражениях, показывающих движение вдоль побережья воображаемого корабля (таковы глаголы: *egredi, exire, ingredi, introire, legere, (in)navigare, peragraré, pergere, praegredi, praetervehí, remeare, sequi, tendere* – почти все они относятся к плаванию вдоль морских берегов). Так, в I, 25 Мела пишет, что “для входящих (*pergentibus*) в Наше море Испания находится слева, справа – Мавретания”. “На мысе находится город Кина, проплыв мимо которого, оказываешься в заливе (*quod praetervectos sinus excipit*)...” (I, 91). “Въезжающих в этом месте (путешественников – *has ingressos*) встречает (*accipit* – “принимает”) широко и далеко разлившееся озеро (= Азовское море)” (I, 113). “С правой стороны для возвращающихся (*remeantibus*) по этой реке (Танаису-Дону) к Меотиде (= Азовскому морю) находится Европа, а для входящих (*navigantium*) (в реку) она лежит по левую руку” (II, 1). “После него (мыса Тиристис) путешественников принимает второй угол (Эвксинского) Понта (*quod praetervectos alter Ponti angulus accipit*)” (II, 22). “Тот, кто плывет (*legentibus*) по этому пути и отправляется (*praevectis*) от Мастусии, сначала должен войти в залив...” (II, 27). “Если же плыть вдоль берегов (*cum litora leguntur*), то путь идет от (мыса) Сепиады через Деметрию, Халос, Птелей и Эхин к Пагасейскому заливу” (II, 44). “Направляющимся (*tendentibus*) оттуда к (мысу) Суний надо проплыть мимо следующих мест...” (II, 45). “...Плавающие в тех местах (*per ea loca navigantibus*), где встречаются обе реки (Истр и Пад), могут посреди соленого моря черпать также и пресную воду” (II, 63). “Миновавшие эти места (*haec enim praegressos*) оказываются на побережье Пицены” (II, 65). “А если плыть вдоль побережья (*at si litora legas*), то поблизости находится скала” (II, 89). “Остров Гадес, который первым встречается выплывающим (*egressis*) из (Гибралтарского) пролива” (II, 97). “Выйдя (*egressos*) сюда (из Гибралтара) и следуя (*sequentes*) дальше (вдоль берега), который находится

по правую руку для выплывающих (exeuntibus), оказываешься в Атлантическом море” (III, 3). “По правую руку для въезжающих (ad introentium dextram) (в Каспийское море) на побережье пролива живут скифы-номады” (III, 38). “Кармании расположены справа от входящих (innavigantium dextera) в этот (Персидский) залив” (III, 75; так же о входе в Аравийский залив: introentibus dextra).

Такое обилие выражений со значением движения вдоль побережья, не свойственное другим общегеографическим трудам Античности, показывает, что описание в виде путешествия было в этом произведении осознанным приемом. Надо заметить, что в периплах, которые описывали конкретные местности и были предназначены для мореходов и купцов, плывущих вдоль побережья, такие выражения естественны и оправданны, так как дают возможность лучше ориентироваться на местности. Ср. например, в “Перипле Эритрейского моря”:

1. Из указанных на Эритрейском море бухт и рынков... первой является египетская гавань Миос Гормос; *если же после нее проплыть* приблизительно 1800 стадий, то *справа* [расположена] Берника... 36. *если же проплыть мимо* этого устья (Персидского) залива, то в шести переходах лежит другой рынок Персии, называемый Омана... *Для идущих из [открытого] моря* признаком непосредственного приближения к земле возле реки являются выплывающие навстречу змеи... 40. Если *корабли, по ошибке заплывающие в его начало* (залива Барака), отойдут немного назад, [а затем] в открытое море, то они избегнут опасности, те же, что заключены в глубине Бараки, – погибают: [там] очень велика и труднопреодолима волна, море же мелководное, бурное, и с водоворотами, и бурлящими течениями” (пер. М.Д. Бухарина).

Последний пассаж хорошо показывает практическую цель упоминания кораблей и их движения в “практических” периплах, каким, несомненно, является “Перипл Эритрейского моря”²⁷.

Иногда Мела как бы рисует пейзаж, видимый с корабля. Особенно это касается гор. Так, в перипле Италии посреди сухого перечня прибрежных городов Кампании (Сиррент, Геркуланум, Помпеи и Неаполь) появляется ремарка: Vesuvii montis adspectus – “вид на гору Везувий”, который, вероятно, открывался плывущим на корабле по Неаполитанскому заливу. В перипле вдоль южного побережья Африки упоминается гора Теон Охема, “которая полыхает постоянным огнем. За горой на большом расстоянии зеленеет холм, окруженный протяженными берегами, откуда видны (visuntur) равнины, тянущиеся гораздо дальше, чем можно увидеть (perspicī possint)” (III, 94–95). Живые зарисовки прибрежного ландшафта представляют также описания Корикской пещеры, расположенной на высокой горе в Малой Азии (I, 73–76), и горы Атлас в Западной Африке (III, 101).

Воображаемое плавание оживляется и постоянно рисуемым Мелой образом взаимоотношений и даже борьбы суши и моря, которые наступают друг на друга, оттесняют, раздвигают, отодвигают, проникают внутрь, врываются, отступают, сужаются и т.д., создавая причудливую линию побережья. Так, Средиземное море, “сначала будучи узким (*angustum*) – не более десяти миль в ширину – раздвигает сушу и входит в нее (*aperit atque intrat*). Затем, разлившись (*diffusim*) в ширь и даль, оно раздвигает (*abigit*) далеко отступающие (*cedentia*) берега, а когда те, в свою очередь, почти сходятся (*coeuntibus*), оно становится таким узким, что ширина его оказывается меньше одной мили. Потом оно снова расширяется (*laxat*), но только умеренно, и снова сужается, становясь уже, чем было” (I, 6). Залив Сирт на побережье Африки имеет “в ширину около ста миль там, где он, открываясь, принимает (*accipit*) море” (I, 35); Передняя Азия “принимает (*accipit*) в себя большой (Иссейский) залив” (I, 68). Начиная с города Дардании в Малой Азии, “море становится узким и уже не омывает (*adluit*) земли, а, снова разделяя их, пробивает (*findit*) противолежащий берег узким проливом Геллеспонта и делает так, что земли, мимо которых он течет, снова становятся его боками” (I, 96).

Отступление и наступление моря образуют полуострова, заливы и мысы: “Затем море наступает на сушу (*subit tum ripam mare*) и, постоянно следуя (*subsequens*) за отступающими (*refugientia*) берегами, доходит до места, откуда до Меотиды пять миль, и превращает (землю), которой владеют сатархи и таврийцы, в (Крымский) полуостров” (II, 4). “Сильно отступающий берег (*magno recessu litorum*) принимает (*accertum*) в себя это (Адриатическое) море” (II, 55). “Лузитания... в том месте, где она обращена к Атлантическому морю, сначала резко уходит (*abit*) в открытое море, затем останавливается (*resistit*) и втягивается в себя (*se abducit*)... Там, где она выдается (*prominet*) (в море), она разделяется им, дважды в нее вторгающимся (*in semet recepto*), на три мыса” (III, 6–7). См. сходные выражения в III, 14 (*orae recedunt; spatia Hispaniae contrahunt*); 16 (*ora progressa in altum; in pelagus excedens; retro abscedit*); 23 (*terra procurrens in pelagus*); 31 (*mare accipitur gremio litorum*); 72 (*recedentes orae; mare impellit, it interius, inrumpit*); 73 (*terrae cedentes*); 75 (*sinus init penitus*).

Принцип перипла, примененный к описанию всей ойкумены, имел и свои недостатки: описание преимущественно побережий приводило у Мелы к тому, что география срединных земель оказалась отраженной или довольно поверхностно, или вообще никак. Иногда наоборот – одна страна описывалась дважды, поскольку выходит своими сторонами к двум отдельно описываемым морям

(см., например, описание Галлии в II, 74–84 – со стороны Средиземного моря и III, 16–23 – со стороны Атлантического океана). Страна Сарматия (она же Скифия), которая находилась в Северном Причерноморье и при этом, по представлениям древних географов, простиралась до Северного океана (= Балтийского моря), также описывается дважды, сначала со стороны черноморского побережья (I, 112–117; II, 1–15), затем – со стороны Северного океана (III, 25, 33–37).

Таким образом, в произведении Мелы географическое описание в виде презентации пути, свойственное любой периплической литературе, приобретает черты виртуального путешествия, достигая тем самым высокой степени образности и занимательности. Недаром немецкий издатель и переводчик “Хорографии” Кай Бродерзен (1994) назвал ее “*Kreuzfahrt durch die alte Welt*” (“Круиз по античному миру”).

¹ Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; *Он же*. Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории: Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. М., 1994. С. 37–53; *Он же*. Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 1998. 8. С. 61–70; *Он же*. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 595–618; ср. сходное понимание проблемы в работах: *Janni P.* La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984 (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia; Vol. 19); *Brodersen K.* Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1995 (Spudasmata; 59).

² См. об “orientation relative” в греческой и римской культурах: *Nielsen K.* Remarques sur les noms Grecs et Latins des vents et des régions du ciel // *Classica et Mediaevalia*. Copenhagen, 1945. Т. 7. P. 65–72.

³ Подосинов А.В. “Космография” Равеннского Анонима // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II. (VII–IX вв.). С. 401–405; *Он же*. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 168–169.

⁴ Ср. точку зрения А. Леруа-Гурана, резко различающего эти два способа восприятия пространства: *динамический* – обход некоторой территории – и *статический* – человек в центре концентрического пространства, см.: *Leroi-Gourhan A.* Préhistoire de l’art occidental. P., 1965. P. 155; см. попытку распределить два этих способа ориентации в пространстве исторически: *Антонова Е.В.* Очерки культуры ранних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 60–62.

⁵ *Ярмоленко А.В.* Роль речи в отражении пространства // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М., 1961. С. 69–70.

- ⁶ См., например: *Strabo* I, 3, 21; II, 5, 22; VI, 2, 14; VII, 1, 1; VII, 3, 15; XII, 3, 2; *Ovid. Trist.* I, 2, 84; 8, 36; II, 197; IV, 1, 60; 8, 42; 10, 98; V, 10, 14; *Ep. ex Pon.* II, 2, 2; IV, 9, 119; *Dionys. Perieg.* 541.
- ⁷ См.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип... С. 34.
- ⁸ *Janni P.* Op. cit. P. 79–84.
- ⁹ *Ibid.* P. 85.
- ¹⁰ *Ярмоленко А.В.* Указ. соч. С. 69.
- ¹¹ *Ахундов М.Д.* Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 29; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 90–93; ср. с. 90: “Осознание принципов организации эвклидова пространства начинается с четырех лет и занимает почти десять лет жизни. Постепенно ребенок научается различать метрические характеристики пространства, включая систему прямоугольных координат, определение расстояний, а также измерение меняющихся с удалением пропорций предметов. К концу периода формально-операционных действий ребенок полностью овладевает системой пространственной ориентации”.
- ¹² *Freeman F.N.* Psychology of the Common Branches. Boston, 1916. P. 164.
- ¹³ The Essential Piaget // Ed. H.E. Gruber, J.J. Vonèche. L., 1977. P. 625–627.
- ¹⁴ Ср. также: *Lord F.E.* A Study of Spatial Orientation of Children // Journal of Educational Research. Bloomington, 1941. Vol. 34. P. 481f.
- ¹⁵ См., например: *Bagrow L.* History of Cartography / Revised and enlarged by R.A. Skelton. Chicago, 1985. P. 41–43.
- ¹⁶ См. ее репродукцию и исследование: *Подосинов А.В.* Восточная Европа... С. 287–378.
- ¹⁷ См., например: *Brodersen K.* Op. cit. S. 187; ср.: *Talbert R.* Reutinger’s Roman Map: the Physical Landscape Framework // Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike / Hrsg. von M. Rathmann. Mainz, 2007. S. 221–241.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Подосинов А.В.* Восточная Европа... С. 82–85; 90–98; *Salway B.* Roman Itinerary Literature // Space in the Roman World: Its Perception and Presentation / Ed. R. Talbert, K. Brodersen. Münster, 2004. P. 92–95.
- ¹⁹ Эти принципы были унаследованы в Средние века портоланами, в Новое время – лотциями.
- ²⁰ См. о нем подробнее: *Nordenskiöld N.A.E.* Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions. Stockholm, 1897; *Gisinger F.* Periplus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1937. Hlbd. 37. Col. 841–850; *Günther R.* Die Küstenbeschreibung in der griechischen Literatur. Münster, 1950 (Orbis Antiquus; Bd. 4).
- ²¹ Текст см.: *Pomponius Mela.* Chorographie / Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman. P., 1988 (Collection Budé).
- ²² Об этом свидетельствуют многочисленные ошибки в описании географических объектов, невозможные при личном знакомстве, а также устанавливаемые исследователями заимствования из предшествующей литературы.
- ²³ Предмет своего исследования Мела обозначил как orbis situs (букв. расположение круга [земель]), что соответствует понятию chorographia (букв. “описание земель”); ср. orbis situs в таком же значении у Плиния (*Plin.* NH, VI, 141) и Солина (*Solin.* Praef. 3).
- ²⁴ Сетование на трудность литературной (= риторической) обработки научных материалов – обычный locus communis в популярной и дидактической литературе (ср. *Plin.* NH, Praef. 12; *Cicer.* Att. II, 6, 1; *Solin.* Praef. 2–4; *Amm. Marc.* XV, 9, 7; XXII, 15, 25; подробнее см.: *Podossinov A.V.* Die antiken Geographen über

sich selbst und ihre Schriften // Antike Fachschriftsteller: Literarischer Diskurs und sozialer Kontext / Hrsg. von M. Horster, Chr. Reitz. Stuttgart, 2003. S. 88–104).

²⁵ См. о стиле Мелы: *Oertel H.* Über den Sprachgebrauch des Pomponius Mela. Diss. Erlangen, 1898; *Folmer H.* Stilistiska studier öfver Pomponius Mela. Diss. Uppsala, 1920; *Gisinger F.* Pomponius Mela // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1952. Bd. 21, t. 2. С. 2407–2409.

²⁶ Такой порядок описания Средиземноморских стран и мира (начиная от Гибралтара сначала вдоль берегов Африки) был широко распространен в античной географии; так описывали мир Гекатей Милетский, Эфор, Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Страбон и др.

²⁷ См. также: *Arrian.* Periplus Ponti Euxini, 32: “Почти против этого устья (Дуная), если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие – Бегом Ахилла, а третьи – по цвету – Белым” (пер. П.И. Прозорова), где образ плывущего корабля необходим для ориентации в пространстве.